Ты будешь умолять

Автор:
Лиза Бетт

Ты будешь умолять

Лиза Бетт

Орловы-Хасановы #2

Она дочь моего партнера по бизнесу и моя невеста. Красивая и милая куколка, которая наняла киллера, чтобы убить меня. Хотела избежать свадьбы, но все вскрылось. И теперь эту стерву ждет настоящий ад. Я лично устрою его ей…

Лиза Бетт

Ты будешь умолять

Пролог

– Я хочу, чтобы ты лишил меня девственности, – моя просьба повисает в воздухе, делая его густым и давящим.

Мужской силуэт выделяется черным пятном на бежевых простынях, и в темноте комнаты кажется еще огромнее.

Я сглатываю, но ком так и стоит в горле, не позволяя произнести больше ни слова. Да и к чему разговоры?

Делаю шаг вперед, и пальцы тянутся к шелковому поясу халата. Руки подрагивают, и мне ни сразу удается справиться с ним, и от этого я еще больше начинаю нервничать.

– Зачем ты просишь меня? – густой бархат мужского голоса заставляет меня замереть в паре метров от кровати и крепче вцепиться в нежно розовый шелк. Не вижу в темноте лица собеседника, но мне кажется, что он хмурится, потому что отчетливо слышу нотки неодобрения в его голосе, но мне не хочется анализировать еще и его реакцию на это. Он в этой игре просто пешка, удачно подвернувшаяся под руку.

– Потому что… – мну пояс халата, хотя мне уже давно следует его развязать и снять эту проклятую штуку. – Ты подходишь.

– Подхожу… – не говорит, смакует, как будто перекатывает на языке каждую букву и моя кожа начинает пылать от хрипотцы в его голосе. Мелкое покалывание зарождается где-то в солнечном сплетении и опускается вниз живота от мысли, что сейчас под халатом я совершенно голая. А он словно сканером пронизывает взглядом который даже сквозь пелену ночной тьмы будто ударяет разрядами тока. – А разве ты не должна хранить себя до свадьбы? Ты явно не из тех, кто зашивается перед брачной ночью.

Его вопрос бьет точно в цель, и я раздраженно поджимаю губы. Это не его дело.

– Плохая идея просить тебя… – разворачиваюсь, чтобы уйти, но стоит мне коснуться ручки, на дверь ложится мужская ладонь, не позволяя мне открыть ее.

Замираю, осознав, что к спине прижимается мощная грудь, и почему-то чувствую себя пойманной в ловушку, хотя это именно я затеяла все это.

Пульс ошибается на пару ударов, когда его кисть опускается поверх моей и медленно сжимает пальцы, отводя их от металла ручки. Мой взгляд утопает в пространстве, и пересохшие губы горят от волнения.

– Ты же понимаешь, какие могут быть последствия? – вкрадчивый шепот мне на ухо заставляет нервы натянуться, и я киваю, подтверждая насколько спятила.

– Да… – Не теряя ни секунды оборачиваюсь в кольце его рук и поднимаю голову, чтобы заглянуть, но тьму его глаз, но я не вижу их выражения. На его лице непроницаемая маска, подтверждающая, что этот человек абсолютно бесчувственен. А значит, я сделала правильный выбор. – Понимаю.

– Тогда раздевайся.

Глава 1

Музыка долбит по ушам, отдаваясь болью в виски. Пара коктейлей явно была лишней, но красный диплом же необходимо обмыть. Так сказала Аня, сейчас явно ни сколько не страдающая от головной боли и головокружения в центре танцпола в кольце рук какого-то красавчика.

– Можно минералки без газа? – кричу бармену, мой голос утопает в гуле голосов и общего шума, но он все равно меня слышит и кивает, отворачиваясь к холодильнику. По губам читает? – Через секунду на стойке напротив меня возникает запотевшая бутылка воды и кладу купюру на гладкую поверхность, забирая ее. – Спасибо.

Откручиваю крышку и жадно припадаю к холодному горлышку, но вдруг в спину ударяет невидимая сила, и моя рука вздрагивает. Чувствую, как белую кофточку заливает льдом, и прикрываю глаза только бы не начать орать.

Оборачиваюсь, натыкаясь взглядом на пьяного в дупель парня, который едва стоит на ногах, но все же не падает, потому что за шкирку его держит другой, при взгляде на которого я чувствую, как у меня ошибается пульс.

– Извинись, – короткий приказ, от которого не только мой взор замирает на суровом лице. Бухой парень тоже поднимает голову, трезвея на глазах, и тут же торопливо выдает извинения, глядя на высокого незнакомца. Тот морщится и кивает в мою сторону, и взгляд пьяных глаз фокусируется на мне.

– Извинитттьи.

Едва сдерживаю улыбку, когда сильная рука разжимается, и гость едва не падает, лишившись поддержки, и на нетвердых ногах отходит, и я остаюсь один на один с рыцарем в черной кожане.

Хочется рассмотреть его получше, но неизвестно откуда взявшийся страх предостерегает от ошибки.

– Спасибо, – приходится снова повысить голос. Поднимаю глаза, и щеки тут же вспыхивают, когда понимаю, что рыцарь не отводит взгляда от моей промокшей кофточки. Кремовое кружево отчетливо вырисовывается под прозрачным шелком, и я машинально вскидываю руки, чтобы прикрыться.

Никогда не ходила по клубам, и начинать было плохой идеей, тем более что уже завтра отец возвращается из командировки и ему могут настучать, что меня не было дома. Надеюсь, он не убьет меня сразу, а сначала даст объяснить.

– Отвезти тебя домой? – низкий голос, обращенный ко мне выбивает из колеи и я сглатываю, отчего-то смущаясь под прямым немигающим взглядом незнакомца. Он больше не пялится на мою грудь, но я все равно чувствую себя неуютно.

– Не надо, я тут не одна, – машинально вглядываюсь в лица танцующих, ища знакомое, но подруги нигде не видно, как и ее красавчика. Она же меня не кинет?

– Ладно, – пожимает плечами и отходит, и я мгновенно расслабляюсь, стоит дистанции между нами увеличиться. Головой я понимаю, что парень ничего мне не сделает, но где-то внутри шестое чувство вопит, мне надо поскорее убраться подальше, слишком опасным выглядит незнакомец.

Черная кожанка обтягивает широкие плечи, отчего его силуэт кажется просто пугающе огромным, и я ощущаю себя Дюймовочкой на его фоне.

Мокрая кофточка неприятно липнет к телу, и я решаю, что предложение отвезти меня домой не лишено смысла, оставаться в клубе мне точно не зачем, поэтому двигаюсь в сторону гардероба, попутно выискивая на танцполе знакомое лицо. В туалете и курилке Аньки тоже не оказывается, и я устав от бесцельных поисков подхожу к гардеробу.

– Могу я воспользоваться вашим телефоном? – вместе с номерком протягиваю гардеробщице купюру, и та секунду подумав, достает из кармана мобильный. – Спасибо.

Набираю по памяти номер Аньки, и отшагиваю в сторону, когда один из посетителей тянется за курткой.

Подруга не отвечает, и я хмурюсь набирая снова и снова, и после пятого провала понимаю, что я в пролете. А ведь мы договаривались вместе уехать. Гардеробщица начинает волноваться, и я решаю заказать такси с ее телефона, потому что свой принципиально не взяла, иначе папа без труда бы выяснил, что я нарушила его запрет. Назвав оператору адрес, завершаю звонок и натягиваю куртку, мечтая поскорее оказаться дома, и киваю гардеробщице, которая показала мне смс с номером назначенного авто.

Выхожу на улицу, боясь пропустить такси, и облегченно выдыхаю, когда вижу нужную машину. Делаю шаг к авто, но из клуба вываливается огромная компания людей, и один из гостей тут же уверенно подбегает к машине и садится на переднее, а потом остальные утрамбовываются сзади.

Эээ…

Хлопаю глазами, наблюдая как таксист, даже не спросив тот ли заказ принял, трогается и желтая машина с шашечками скрывается за поворотом, оставляя меня в совершенном одиночестве.

– Ну что, надумала?

Оборачиваюсь, вздрогнув от низкого голоса, пронизавшего кожу мурашками.

– Преследуете меня? – не хочу язвить, но с губ против воли срывается упрек. – Спасибо сама как-нибудь.

Да, не самая умная мысль, тем более что у меня нет даже телефона, сейчас ночь, и я одна на темной улице рядом с этим пугающим незнакомцем.

– И как интересно? – он никак не унимается, явно забавляясь, а я поджимаю губы и отхожу только бы увеличить между нами расстояние. – Пешком? У тебя кажется даже телефона нет…

Бросаю сердитый взгляд на незнакомца, и тот поднимает руки в примирительном жесте.

– Ладно, удачи, – он говорит что-то еще, но я не слышу, хотя внутренний голос подсказывает, что с его губ срывается тихое ругательство.

Из клуба вываливается толпа каких-то парней, и я ускоряю шаг, но как говорится, если вам не везет, то не везет по-крупному, и в спину мне летит чей-то пьяный оклик.

– Эй, киса, подожди!

Закатываю глаза и не оборачиваясь ускоряю шаг, но какой-то парень незамедлительно меня догоняет, слишком уверенной походкой для нетрезвого человека.

– Подожди, сказал, слышь? – дергает меня за плечо, и я машинально отбрасываю его руку, отступая на шаг.

– Отвали… – волнение вперемешку со страхом скользкими щупальцами проникает под кожу, и я оглядываюсь, понимая, что вся компания решила выбрать меня в качестве развлечения на ночь.

– Куда собралась? Мы не закончили… – еще один полупьяный голос заставляет отступить, и я натыкаюсь на чью-то каменную грудь, и тут же отскакиваю, осознав, что это один из них.

– Не дергайся, давай прокатимся… – подцепляет меня за локоть и ведет к черной машине у обочины, и я собираюсь звать на помощь, но слишком поздно осознаю, что на улице никого кроме этих четырех парней и меня нет. Хотя… У стены клуба лениво курит тот самый незнакомец, которого я отшила дважды за вечер. Облако дыма растворяется в воздухе, когда он делает последнюю затяжку и бросает в сторону сопротивляющейся меня равнодушный взгляд. Вот

козел! – Сань, открой!

Сигналка пикает, и я сильнее дергаюсь, очень надеясь, что камеры у клуба засекут номера похитителей и в конечном итоге кто-нибудь придет мне на помощь.

Вот только я сделала все, чтобы никто из людей отца не знал, куда я отправилась, потому что в противном случае меня за шкирку вернули бы в квартиру и приставили к дверям охрану. Что ни говори, а отец помешан на контроле. И я у него единственная дочь.

– Пустите!

Меня толкают на заднее сиденье, и я, не удержав равновесия, падаю под дружный смех толпы. Один из них хватает мою ногу и дергает на себя, цепляя вторую под коленом. Пытаюсь взбрыкнуть, но мое сопротивление только веселит пьяных парней.

– Не надо так кричать, киса. Мы тебя не обидим. А если будешь послушной, еще и заплатим, – вкрадчивый голос мертвой хваткой цепляется за шею, и я ощущаю предательские слезы страха, подступающие к глазам. – Не сопротивляйся, и мы сделаем тебе приятно, да парни?

Он дергает меня на себя и вклинивается между разведенными ногами, продолжая сжимать мои бедра.

Желчь подкатывает к горлу.

– Поехали отсюда, не будем же мы прямо тут… – голос водителя заставляет остальных закивать, и парни начинают рассаживаться, а я снова пытаюсь вырваться, но тот кто меня держал лишь толкает в машину и садится рядом.

Страх уже пропитал все естество, меня трясет и даже зубы стучат, но я все равно слышу этот низкий голос, который привлекает внимание толпы друзей, и вижу как те замирают, не успев рассесться.

– По-моему девушка против…

– Парень, иди по-хорошему, слышь? – тот кто первым меня окликал отступает от открытой двери и делает шаг к незнакомцу. – Или ты хочешь получить пизды?

Самоуверенный вид пьяного задиры позабавил бы, если бы я не дрожала так сильно. А сейчас я перепугана так, что готова разрыдаться, прося их оставить меня в покое. Глупо! Глупо было вообще все это затевать. Но Аня так слезно умоляла нарушить запрет и пойти в клуб, что я поддалась на уговоры. И чем все это выходит? Меня скоро пустят по кругу четверо парней, а потом, когда папа узнает, что со мной сделали, пустит по кругу каждого из них, и никакого шанса избежать этой участи ни у них, ни у меня нет. Отлично погуляла Лина!

– Отдайте мне девушку и я уйду, – он разжал ладонь, глядя на железку в своей руке и снова сжал, поднимая глаза на собеседника. Маска равнодушия на его лице пугает, и одновременно внушает странное спокойствие, что я не одна. – Серьезно, парни. Проблемы не нужны ни мне, ни вам. Давайте по-хорошему.

– Слышали? – водитель вероятно почувствовав кураж обходит машину и встает рядом с другом. Пьяными они больше не выглядят, скорее взбудораженными. Захотелось взвыть. Сейчас они вырубят моего защитника и увезут меня в лес. А может в квартиру. Воображение, прекрати! – По-хорошему!

Четверка рассмеялась, и я пользуясь тем что они отвлеклись медленно подсаживаюсь к краю сиденья, но парень сзади дергает меня на себя и вжимает в торс.

– Сиди тихо, сучка, – его рука ползет под полу моей куртки, и я всхлипываю, и этот звук привлекает внимание незнакомца.

– Ладно, – роняет спокойно и тут же размахнувшись врезает по роже водителю, и тот с диким воем отлетает к машине, хватаясь за челюсть. Хочет что-то сказать, но получается мычание, видимо незнакомец сломал ему челюсть. Больше никто из парней не дергается, все затихли, боясь шелохнуться, только второй, стоявший рядом отскакивает от незнакомца как от огня, но мой защитник даже не смотрит в его сторону. Он пронзает взглядом меня и медленно произносит. – Иди сюда.

Рука на моем теле растворяется, меня больше никто не держит, и я уже не скрывая слез соскакиваю и на нетвердых ногах подбегаю к спасителю, хватаясь за его руку. Он стряхивает меня, настойчиво отводя за спину и сует в руку ключи.

– За углом черный мерин. Садись и жди меня, – приказ которому я безапелляционно подчиняюсь и бросив на незнакомца благодарный взгляд убегаю в указанном направлении. Сердце колотится в горле, тошнота утихла, но ее место сменило головокружение от дикого облегчения, и мне ни сразу удается успокоиться, поэтому забегаю за угол и, прислонившись к стене, зажимаю рот рукой, чтобы не выдать рвущийся наружу всхлип. Руки дрожат так сильно, что мне не сразу удается найти на брелоке кнопку, пластик в руке ходит ходуном и я зажимаю ключ двумя руками и вглядываюсь в обозначения.

Черный мерседес мигает фарами, и я дергаю пассажирскую дверь и падаю на сиденье. Лихорадка не проходит, и я отбрасываю ключ на водительское и закрываю лицо ледяными ладонями. Слезы градом катятся по щекам, и я уже не сдерживаю громких рыданий как в детстве, когда не можешь остановиться, и твою душу рвет от боли.

А если бы они…

Если бы им удалось…

Внезапно водительская дверь распахивается и я вскрикиваю и вжимаюсь в сиденье. С губ спасителя срывается ругательство и он обходит машину и, достав в заднего бутылку вискаря, насильно всовывает мне в руки.

– Пей.

Мотаю головой, волосы липнут к щекам, и я все еще дрожу и вою.

– Нет…

– Пей! – хватает меня за подбородок и вливает в рот бухло, отчего я едва не захлебываюсь и сгибаюсь пополам, хватая воздух ртом.

Хватка на шее сзади заставляет разогнуться, и спаситель приближает мое зареванное лицо к своему и медленно чеканит слова.

– Еще пей, пока обратно не полезет, ясно?

Спорить сил нет, и я киваю как болванчик и сама выхватываю из его горячих рук бутылку. Один глоток и выпитое проваливается в горло, обжигая рот, второй, и виски встает в горле, но я сглатываю и отдаю ему бутылку.

– Умница, – нагибается и открывает бардачок, в котором я вижу пачку салфеток. Он протягивает их мне и отворачивается, заводя мотор.

Руки дрожат, но уже не так сильно, да и внутри тремор утих, правда голова стала чужой и все еще кружится. Но это уже от выпитого. Привожу себя в порядок, отгибая козырек и глядя в зеркальце. Боже, какой кошмар! Тушь потекла, на щеках черные полосы и глаза красные вдобавок к красному носу. Вытираю мейк, начисто счищая его с лица. Убираю салфетки в бардачок.

Перевожу взгляд на спасителя и замираю, изучая чеканный профиль. Черные волосы ниспадают на высокий лоб, нос с горбинкой, которая скорее следствие уличной драки, нежели национальности, четкоочерченная челюсть, покрытая черной как ночь щетиной. Она делает его похожим на пирата. Или бандюка. Только вот незадача: именно он меня спас от насильников. Сглатываю, когда свет от фонаря падает на его лицо и в горле пересыхает, когда красивой формы губы искривляются в улыбке.

– Нравится?

Ну конечно он видит, что я его разглядываю, и мои щеки мгновенно вспыхивают, и я резко отворачиваюсь.

Говорить не хочется, и я удобнее устраиваюсь на сидении, почему-то совершенно не задумываясь, куда он меня везет. Голова ватная, в глаза будто насыпали песка, и я ненадолго их прикрываю, чтобы не так жгло.

А дальше провал.

Глава 2

Просыпаюсь от молоточков, которые стучат в голове. Где-то вдалеке маячит тошнота, и я ложусь на другой бок с закрытыми глазами. А потом замираю. Тревога заставляет резко сесть на постели и осмотреться. Не моя комната. Не моя постель. Торопливо соскакиваю, но с запозданием осознаю, что спала голой. Машинально прикрываюсь черной простыней. В комнате никого нет, я могла бы добежать до ванной, но не рискую, вместо этого оглядываюсь в поисках своих шмоток. Ничего.

Рядом с постелью лежит мужская рубашка, и я около минуты на нее смотрю, взвешиваю все за и против, а потом смиряюсь с неизбежным и надеваю.

Рукава подгибаю почти в два раза, сама же рубашка чуть выше колен. Огромная рубашка для огромного мужика.

Хреново.

Вчера я вероятно вырубилась в его машине, и он не придумал ничего лучше, кроме как отвести меня к себе? А если папа узнает? Нам обоим крышка. И моему спасителю в первую очередь.

Аккуратно спускаю ногу на пушистый ковер у кровати и медленно встаю. Голова чуть кружится, но тошнота вполне терпимая, и я подхожу к двери и медленно ее открываю. Пустой коридор. Стены из белого кирпича. Пара дверей и арка, ведущая к лестнице. Иду к ней, прислушиваясь к посторонним звукам. Где-то вдалеке слышу мужской голос. Он кажется знакомым, и сердце замирает от мысли, что это тот самый парень из клуба. Тот, что спас меня.

Касаюсь гладкой поверхности перилл и медленно спускаюсь, пытаясь гасить дрожь волнения. А что если я так напилась, что не заметила, как он трахнул меня? Это мерзко, но факта не исключаю, потому что не могу найти объяснение, почему спала голой.

За потерю девственности отец меня убьет. В буквальном смысле.

И моего спасителя тоже под шумок.

Иду на голос, и замечаю арку в кухню. Пространство большое, кухня из черного мрамора, в центре островок, у которого на барном стуле сидит незнакомец.

Он раздет по пояс, на нем только черное трико. Он прижимает телефон к уху плечом и попутно набирает что-то на ноутбуке. Дыхание перехватывает, когда черные глаза в обрамлении угольных ресниц отрываются от ноута и фокусируются на мне. Вдоль позвоночника пробегают мурашки.

– Доброе утро, – прерывает звонок и хлопает крышкой компа, поднимаясь со стула. Выжидательно на меня смотрит.

– Мне надо домой, – роняю глухо, горло саднит, так будто я всю ночь орала в караоке. Короткая улыбка служит ответом. Повторяю свою просьбу, но он только улыбается.

Если я не успею вернуться до приезда отца, он поймет что что-то не чисто и поедет проверять. Моя квартира пуста, там же телефон как мне кажется с сотней пропущенных.

– Хочешь позавтракать? – произносит и кивает в сторону плиты. Я отрицательно мотаю головой и машинально одергиваю подол рубашки, которая вдруг начинает казаться прозрачной. Слишком волнующий взгляд у моего собеседника.

– Где моя одежда? И почему я спала голой? – голос прорезается, и незнакомец шире ухмыляется, так будто голые девушки в его постели по утрам обычное дело. А может, так оно и есть…

– Её постирали. Идем, – незнакомец проходит мимо меня и я отступаю, только бы не коснуться его мощного торса. Меня окутывает ароматом свежести, что это, его одеколон или гель для душа?

Ступаю за ним по коридору первого этажа и прохожу в самый его конец, там белая дверь. Он открывает и пропускает меня вперед. В прачечную. Запах порошка ударяет в нос, и я вижу корзину с моим бельем. Оно сухое и чистое.

Подхожу к ней, забыв что не одна, а когда решаюсь спросить, голос незнакомца звучит над самым ухом.

– Твоя кофточка была залита водой, уж извини, не мог оставить тебя спать в мокрых вещах.

Сглатываю, чувствуя его присутствие за спиной. Он не касается меня, но ощущение, что его рука медленно обхватывает мое горло и сжимает выдавливая воздух из легких.

– Между нами что-то было? – задаю самый главный мучивший меня вопрос и замираю, когда незнакомец подходит вплотную, вставая за моей спиной. Жар его кожи проникает сквозь тонкую ткань рубашки, и я чувствую себя голой.

– Если бы я тебя трахнул, поверь, ты бы это запомнила.

Мой взгляд утопает в пространстве, когда голос касается волос гад ухом, и я застываю, борясь с желанием отпрянуть или придвинуться ближе. Не знаю почему, но стоять безучастно просто невозможно.

– Переодевайся, и я отвезу тебя домой.

С этими словами он разворачивается и уходит, оставляя дрожащую меня в одиночестве.

Переодетая выхожу из прачечной и иду в сторону кухни. Как и ожидалось, хозяин дома стоит здесь, одетый в темные джинсы и кожанку, но не ту что вчера. Сейчас куртка приталена, отчего его торс кажется еще рельефнее и притягательнее. Одергиваю себя и киваю в сторону двери.

– Едем?

Он сгребает ключи со стола и ведет меня к боковой двери. Украдкой разглядываю его короткостриженый затылок и поражаюсь, насколько сексуальной может быть эта стрижка. На макушке волосы чуть длиннее и даже слегка вьются, возможно, потому что влажные.

Поток прохладного воздуха ударяет в лицо, когда мы выходим на улицу, и я плотнее запахиваю кожану и застегиваю ее.

Незнакомец ведет меня к мотоциклу и внутри все начинает трепетать. Сжимаю кулаки и разжимаю, возбужденно оглядывая черный обтекаемый кузов. Да он просто… Обалдеть!

– Держи, – как ни в чем не бывало протягивает мне шлем, не обращая внимания на мой восторг. А я едва не прыгаю от радости, потому что обожаю мотоциклы! Я упрашивала отца подарить мне легкий байк, но тот наотрез отказался, пояснив, что этот вид транспорта не для дочери респектабельного бизнесмена и что мне следует передвигаться на машине с личным водителем. Так ему спокойнее. – Помочь?

Видимо не догоняя, почему я все еще не надела шлем, незнакомец забирает его из моих рук и натягивает мне на голову, прижимая волосы. Машинально поднимаю руки, чтобы надеть удобнее и с запозданием осознаю, что положила ладони поверх его кистей. Жар ударяет под кожу так резко, что я мгновенно отдергиваю руки и приподнимаю подбородок, позволяя незнакомцу застегнуть ремешок. Адреналин бьется в крови как лава и заставляет меня нетерпеливо переминаться с ноги на ногу в ожидании когда мы поедем.

Мой спутник застегивает свою куртку и вдруг несказанно меня удивляет.

– Садись за руль.

Моргаю, не веря своим ушам. За руль? Он шутит? Наверно в шлеме я оглохла.

– Давай, пока я добрый.

Не даю ему возможности передумать и торопливо запрыгиваю на железного коня. Дыхание сбивается, когда касаюсь руля, чувствуя бархатистость резиновой ручки. Безумная мощь и вся в моих руках. Едва не взвизгиваю от восторга и выжимаю газ, но пока мотик на нейтралке он не двигается с места. Но рычание мотора как бешенного зверя внутри железки проникает в кровь и я прикрываю глаза от кайфа. Вибрация проходит по телу, и я вздрагиваю, когда сильные руки опускаются на мою талию и прижимают ближе к стальному торсу незнакомца.

Его ладони такие огромные, что закрывают почти всю талию, и возбуждение ударяет в голову, и я расслабляюсь, позволяя ему прижаться теснее. Теснее, чем необходимо…

– Ногу на газ, – его рука с талии медленно скользит по бедру вниз. Именно скользит, хотя он мог бы просто поддеть мое колено и поставить ногу на педаль, но незнакомец выбирает иной путь. – Вот сюда, малышка, умница.

Сжимает, чуть задержав кисть на сгибе, а потом наклоняется и накрывает мою руку своей.

– Это сцепление, это газ, а тут тормоз, – он накрывает вторую мою руку, и я замираю. Ощущение что я в полной власти этого мужчины пьянит как хорошее вино. Его торс жмется к спине, пах к моей попке, ноги бережно обхватывают мои бедра, а руки как плед накрывают мои и меня бросает в жар. В сотый раз за это утро.

Мурашки прокатываются по коже, и я машинально веду плечами, утопая в желании повернуться и прижаться теснее. Но остаюсь на месте, прислушиваясь к командам незнакомца и медленно выезжаю асфальтированную дорожку ведущую к проспекту.

Удивительно, но он не высадил меня из-за руля, позволил доехать до моего дома и ни разу не критиковал мою манеру езды. Пускай пару раз от волнения я тупила с переключением скоростей, но ни разу не услышала в свой адрес упрека.

Заехав во двор дома, где располагалась моя квартира, я припарковалась на свободном месте у подъезда и заглушила мотор. Вибрация стихла, но тремор все еще не прошел, и я отпустила руль и сжала и разжала кулаки.

Кайф!

Расстегнуть ремешок не удалось, видимо с непривычки еще не знала как это делается, да и пальцы слегка дрожали, поэтому я повернулась к незнакомцу.

– Поможешь?

Тот кивнул и поднялся, снял свой шлем и потянулся к застежке моего. Его черные волосы растрепались, и я с трудом подавила желание потянуться и поправить их. Натяжение на подбородке ослабло, и я опустила голову, когда мужчина снял с меня шлем. Поднялась, слезая с железного коня, и аккуратно ступив на тротуар замерла, отчего-то желая продлить этот момент еще немного. А ведь мы больше не увидимся…

Оглядела пустой двор и подняла взгляд на незнакомца.

– Спасибо за все. Я не знаю, что со мной случилось бы, если бы ни ты, – Покоробило обращение на «ты», но ведь он уже давно не церемонится, к чему мне делать это?

– Готова отблагодарить за спасение?

Весь трепет в момент растворяется, и я мысленно ухмыляюсь. Ну конечно! Ожидать от него великодушие не стоит, а я уже возомнила, что он рыцарь на белом коне! Да он ничем не лучше тех парней, только не так открыто проявляет свои желания.

Ну и дура же я!

– Скажи номер карты, я отправлю тебе деньги, – в конце концов он и правда меня спас, поэтому заслужил награду.

Видимо холод моего голоса его забавляет, и он ухмыляется, наслаждаясь моей враждебностью.

– Я не о деньгах сейчас, – равнодушно отрезает, и я кривлюсь от отвращения. Да он похуже тех парней. – Расслабься, детка.

И вместо того, чтобы отскочить напрягаюсь сильнее, когда он цепляет мою талию и врезается в губы жестким поцелуем. Выставляю ладони вперед, пытаясь оттолкнуть, но его наглый язык так мастерски раздвигает мои губы, что невольно забываю о намерении отступить. Грубая лапища сжимает мою талию, а вторая ложится на шею, обжигая ее прикосновением, и я застываю.

Его губы жесткие, но касаются моих удивительно нежно, руки не сжимают, а лишь придерживают аккуратно, но настойчиво. И постепенно я забываюсь в этих дерзких ласках. Дыхания не хватает, и я делаю вдох, но воздух такой горячий, что им невозможно надышаться. Хватаю еще и еще, и безотчетно отвечаю на его поцелуй, подталкивая наглый язык своим. Хриплый рык застревает между нашими губами, и хватка на шее невольно каменеет, и мне ближе притягивают к массивному телу, сминая оставшиеся попытки сопротивляться.

Прикусывает мою губу, и колени слабеют, а голова чуть отклоняется назад, но он держит меня, поэтому расслабляюсь, окончательно утопая в нем.

– Сладкая, – обреченно шепчет и проводит по моим влажным губам большим пальцем. – До встречи…

И внезапно отступает так же резко как до этого сгреб меня в объятия и ухмыляется, буквально трахая меня взглядом.

– Не думаю, что мы еще увидимся, – отрезаю глухо, пытаясь сохранить остатки достоинства.

– Увидимся.

Так уверенно, что становится страшно. Отступаю и медленно повернувшись иду к подъезду, чувствуя как спину жжет его черный взор. У самой двери оборачиваюсь, и дыхание сбивается, когда натыкаюсь на обжигающий взгляд.

Увидимся.

Одними глазами, но так четко ощущается, что вдоль позвоночника проходит холодок.

И его уверенность передается мне.

Глава 3

Квартира встречает тишиной, и я скидываю обувь и снимаю кожану. Прохожу в гостиную и беру со столика телефон. Десять пропущенных и три смс. Дыхание перехватывает.

Читаю сообщения от Ани и горько ухмыляюсь.

«Лина, я у Пашки»

«Ах черт, у тебя же нет телефона»

«Прости подруга, вылетело из головы. Звони утром»

Удаляю сообщения, очень надеясь, что папа не заподозрит меня во лжи. А ведь мой телефон с маячком и на прослушке. И мне повезло, что Анька не написала что-то в стиле «Подруга бегаю по клубу где ты, черт возьми? Неужели уехала с тем красавчиком, который спас тебя от толпы парней?».

Перезванивать Аньке не вижу смысла, но среди пропущенных вижу один папин и жму на иконку вызова.

Абонент недоступен.

Наверно еще летит.

Откладываю телефон и встаю с дивана.

Я даже не спросила имени незнакомца. Кто он? Как зовут? Зачем пришел в тот клуб? Даже о его возрасте я могла только догадываться, ему могло быть как двадцать три, так и тридцать три. Потому что он выглядел аккуратным подтянутым и ухоженным. Ухоженным не в плане лака на ногтях, а именно его облик вцелом. И пускай даже волосы могли быть в беспорядке, но безукоризненная стрижка все равно делала его очень привлекательным, а щетина очень аккуратно выделялась на щеках, не создавая ощущения неопрятности. Он один из немногих моих знакомых, кому идет небритость. Реально идет.

Так, хватит о нем думать. Подумаешь, мужчина. Мне все равно не следует больше с ним пересекаться, потому что отцу не понравится моя дружба с таким опасным типом.

Прохожу в ванную и встаю перед зеркалом, вглядываясь в свое отражение. Глаза чуть припухли, но скорее из-за слез, нежели от выпитого. Взгляд цепляется за отражение и сердце пропускает удар. Серьга! На правом ухе она на месте, а вот левая мочка пуста. Черт! И когда я умудрилась ее потерять? У клуба, когда отбивалась от парней, или позже, когда надевала шлем?

Так обидно, это первые серьги, которые я тайком купила на свои деньги.

После окончания учебы, я задержалась в столице еще на три месяца, чтобы пройти практику. Отец был против выбранной мной профессии, но я с детства мечтала быть учителем начальных классов, и с трудом уболтала его позволить мне учиться на педагогическом. А потом под предлогом, что летом будут проходить ускоренные курсы по экономике, осталась еще на три месяца, чтобы оттянуть возвращение домой. Но вместо экономики я договорилась с директором одной из школ, что буду вести у них летние занятия для отстающих учеников, и освободилась только сейчас.

А тут Анька со своим клубом…

Прекрасно знала, что отец отмахнется от моего диплома, сочтет это баловством, он приверженец старых традиций уверен, что женщине ни к чему работать, она обязана сидеть дома и воспитывать детей. Мне и уговорить его отправить меня на учебу удалось лишь потому, что я уверила его: учить своих детей проще, если знать хотя бы основы педагогики. Он сдался.

А я поняла, что до безумия люблю заниматься с детьми. Они как солнышки, которые мне предстояло зажечь. А какая безумная отдача! От одной их улыбки хочется расправить крылья и лететь. За те три месяца, что я занималась с классом, я получила столько положительных эмоций, сколько ни получала за всю жизнь! А на последнем уроке то и дело смахивала слезы, потому что понимала, больше не увижу своих первых учеников.

Я вкладывала душу в их обучение, но получала в ответ гораздо больше. Их искреннюю преданность и любовь.

А что на свете может быть лучше улыбки ребенка?

Расстегиваю серьгу и кладу на полочку раковины.

Сначала в душ, а потом попытаюсь дозвониться отцу. Может он согласится дать мне поработать в школе хотя бы немного.

Выхожу из ванной, суша волосы полотенцем и слышу звонок. Бегу в гостиную, и поднимаю трубку.

– Привет, пап, – опускаюсь на диван, слушая знакомый голос.

– Дочь, я сейчас в аэропорту. Только прилетел, через час буду дома и хочу чтобы ты ждала меня в особняке. Есть срочный разговор.

Ни здравствуй, ни как дела. Коротко и по делу. В этом весь папа.

– Хорошо, я приеду.

– Я позвонил водителю, он выехал за тобой, так что собирайся. Увидимся дома.

На этом он прерывает звонок, а я откладываю телефон и вздыхаю.

Что-то случилось, судя по тому, что папа даже не спросил, как я долетела.

Неприятное предчувствие скребнуло внутри, и я поднялась, услышав звонок в домофон.

– Ангелина Викторовна, доброе утро, машина ожидает у подъезда, – голос консьержа звучит дружелюбно, но я едва ли это замечаю, все мысли заняты словами отца.

– Спасибо, я спускаюсь, – прерываю связь и иду в спальню, чтобы переодеться. Папа приверженец классики, поэтому вместо любимых джинсов надеваю черное кашемировое платье с глухим воротом. Накидываю пальто и обуваю черные лодочки.

Черт, забыла серьги!

Не разуваясь на цыпочках крадусь обратно в спальню к шкатулке. Достаю серьги колечки и вдеваю в уши. Так-то лучше.

Закрываю квартиру, и убираю в карман ключи.

Всю дорогу до особняка я не нахожу себе места, и нервно ерзаю на сиденье. И как оказывается, предчувствие меня не обманывает, потому что как только отец входит в дом он без предисловий рубит на корню все мои наивные надежды.

– Через месяц ты выходишь замуж.

Слова отца как ледяной душ окатывают меня и дыхание перехватывает.

– Но пап…

– Идем в мой кабинет, – обрывает на полуслове и не глядя на меня выходит из гостиной, а я не чувствуя ног иду за ним, слыша как осколки мечты хрустят под ногами. Преподавательская карьера, мои детки, которых мне хочется учить – все это осталось в прошлом, а впереди меня ждет другая бездарная жизнь жены какого-нибудь зажравшегося бизнесмена, которому некогда заняться поисками половинки и он предпочитает выписать ее по каталогу. Ну, или у друга перехватить.

Унизительно.

Папа входит в кабинет и швыряет кейс на стол, отчего тот грузно падает и сносит подставку под карандаши. Но бизнесмен Королев не обращает на это внимания, он проходит к окну, упирает руки в бока начинает говорить.

– Семья твоего жениха готова была подождать, пока ты окончишь учебу, мне удавалось уговорить их не спешить, но сейчас прошло более чем достаточно времени и они ждать не могут. Им тоже нужны наследники и они не намерены больше терпеть отсрочки.

Он говорит со мной, но до сих пор так ко мне и не повернулся, все еще глазеет в окно. Становится трудно дышать.

– Зачем ты согласился на эту сделку? – Сдавленно произношу, хотя знаю ответ, но негодование все равно рвется из груди, заставляя глаза защипать. – Не надо было…

– Ангелина! – резко обрывает и оборачивается, сверля меня взглядом. – Я сразу сказал, что жениха подберу тебе сам. Ты росла с этой мыслью и глупо сейчас высказывать что-то мне, потому что все уже давно оговорено.

– Но я надеялась, ты передумаешь… – хочу проглотить язык за мольбу в голосе. От безысходности хочется выть. – Я думала ты хотя бы скажешь мне кто он или позволишь познакомиться с ним, а вдруг он… – дыхание перехватывает, и я замираю. – А вдруг он стар. Папа ты отдашь меня за старика?

– Он не старик, но безусловно старше тебя. Разница в возрасте пойдет тебе на пользу, он будет сдерживать твои порывы и феминистские наклонности. Он заставит тебя остепениться и стать матерью. И никакой карьеры. Так лучше для всех!

– Но папа! Я хочу хотя бы увидеть его. Это же так просто…

– Ладно. Сегодня на приеме тебе это удастся. Но учти, если ты хоть слово скажешь против, я больше никогда не пойду тебе навстречу! – Отрезает, и я осекаюсь под его суровым взглядом. Весь запал мигом улетучивается и силы покидают. Я сажусь в кресло в его кабинете и обмякаю.

– Во сколько прием? – мой бесцветный голос рвет нервы.

– В восемь надо быть у Климовых. Твой жених тоже там будет.

Слова твой жених бьют под дых, и я вздрагиваю и поднимаю затравленный взгляд на папу. Он как всегда непоколебим и уверен в своей правоте. А меня всю трясет.

– Я…тогда я пойду.

Сжимаю подлокотники и поднимаюсь, стараясь не разрыдаться при отце.

– Ангелина. Я не стал бы соглашаться на ваш союз, если бы не видел в нем потенциала, – ну еще бы. Кто бы сомневался. – Прежде всего, для тебя. Ты еще спасибо мне скажешь.

Возможно, жених скажет спасибо за молодую жену девственницу. Но никак не я…

Разворачиваюсь и выхожу из кабинета, но в спину летит повелительный голос.

– У меня для тебя кстати подарок. У крыльца увидишь там, – и отец замолкает, когда его телефон начинает звонить. Он отвечает, но я уже не слушаю его. Бездумно иду к выходу из особняка, чтобы поскорее добраться в свою квартиру и удариться в слезы.

Открываю массивную дверь и оказываюсь на улице, и взгляд тут же натыкается на красный мерседес. На капоте машины золотой бант, и я понимаю, о каком подарке говорил отец. Вот только обида никак не стирается под напором радости от его широкого жеста. И я как последняя зажравшаяся идиотка подхожу к машине и поднимаю с капота ключ. Верчу его в руках с одной единственной мыслью: лучше бы отец подарил мне свободу.

Глава 4

Когда сзади раздается низкий голос, я сразу его узнаю.

– Неужели не рада подарку? Отец хотел сделать тебе приятно.

Оборачиваюсь и натыкаюсь взглядом на папиного коллегу.

– Здравствуйте, дядя Виталя, – безрадостный голос лучше любых слов говорит о моей неблагодарности отцу за дорогой подарок, и я пытаюсь хоть как-то исправиться ситуацию и натягиваю на лицо улыбку. – Красивая машина.

– Но ты все равно грустишь? – Он толкает руки в карманы и впивается в мое лицо прямым взглядом. Я никогда не говорила папе, но этот мужчина меня пугает. И дело даже не в его шраме, полосующем лицо от брови к скуле, и не в этом пронизывающем взгляде. Хотя от него бегут мурашки отвращения, потому что он вкупе с воркующим голосом создает ощущение, что он говорит со мной как с любовницей. Меня снова передергивает.

– Нет, просто немного голова болит, – я почти не вру, после разговора с отцом голова и правда разболелась. А может все дело в легком похмелье? – Ну я пойду.

Собираюсь поскорее убраться отсюда, но мою руку с ключом накрывает другая мозолистая ладонь. Она холодная и слегка влажная. И тошнота подкатывает к моему горлу, но я сохраняю невозмутимый вид, хотя и пытаюсь стряхнуть его клешню.

– Подожди, я научу тебя обращаться с машиной, – он понижает голос еще на пару октав, и я не выдерживаю и резко отдергиваю свою кисть.

– Спасибо, я умею, – открываю водительскую дверь и падаю на сиденье тут же захлопнув ее за собой как щит отделяющий меня от монстра, который сжирает людей заживо. Почему-то именно такая ассоциация у меня с этим человеком.

– Ангелина… – протягивает как голодный волк. – Ангел. Не потому ли грустишь, что насильно замуж отдают?

Против воли замираю и вскидываю испуганный взгляд на мужчину.

– Так и знал… – он наклоняется и опирается о мою дверцу, заглядывая в салон. – За нелюбимого отдают да?

Не отвечаю, просто молчу, потому что не хочу говорить с ним, но как назло не могу завести мотор и сдвинуться с места. Почему-то не получается. Я продолжаю смотреть на папиного коллегу и мелко дрожать.

Он протягивает руку и касается моей щеки, но я как от огня резко отклоняюсь, не позволяя мозолистым пальцам коснуться кожи.

– Это мой долг, – говорю ровно, словно это не я только что уговаривала отца не отдавать меня замуж.

– Долг, который ты не брала, но почему-то должна отдать.

Сглатываю, не понимая, к чему он клонит.

– А я мог бы помочь.

Рука тянущаяся к кнопке зажигания и застывает на полпути, и я вскидываю глаза на собеседника.

– Вы можете отговорить отца? – надежда в моем голосе выдает меня с головой, и я перестаю дышать и не пытаюсь отпрянуть даже тогда когда он снова касается моей щеки теперь уже наслаждаясь дозволенной свободой.

– Я могу сделать так, чтобы свадьбы не было, – он по-прежнему растягивает слова, явно забавляясь над моей беспомощностью. – Если ты хочешь.

– Хочу! – так резко выпаливаю, что мерзкая улыбка полосует его лицо, и шрам становится заметнее. – Пожалуйста, поговорите с папой, может вас он послушает?

Виталий резко выпрямляется, и я едва заметно выдыхаю с облегчением, потому что наконец-то не ощущаю его мерзкого давления.

– Считай, что ты уже свободна, Ангел. Но учти, – вижу как в нашу сторону движутся два каких-то типа. Они тоже меня пугают, но я понимаю, что скоро смогу уехать отсюда и больше их не увижу. – Когда придет время, я попрошу тебя о маленьком одолжении взамен моей услуге…

Его голос как в тумане, потому что эти типы все приближаются, странное чувство накрывает, и я пытаюсь стряхнуть его, и торопливо завожу мотор и бросаю последний взгляд на собеседника.

– Спасибо… – на большее сил не хватает, резко дергаю рычаг переключения и давлю на газ, срываясь с места как раз в тот момент, когда двое ровняются с

нами. Не смотрю на них, но чувствую дикую опасность, исходящую от этих двоих и меня бросает в холодный пот.

Думать о том, что только что произошло нет сил. Отгоняю дурные предчувствия, и сосредотачиваюсь на дороге…

Надо подготовиться к вечеру, и быть может, мне уже не придется жертвовать собой ради отца.

Глава 5

На прием я решаю ехать на новой машине, и одевшись в длинное темно-синее шелковое платье в пол и меховую накидку в тон я сажусь за руль, чтобы успеть к началу.

Волосы укладываю максимально просто: убираю наверх, закрепив десятком шпилек. Пара прядей выбивается из прически, но переделывать не хочется, поэтому позволяю себе эту небрежность.

Папа ожидает меня на подъездной дорожке у особняка Климовых. Подъезжаю, тут же передаю ключи служащему, который паркует машины.

– Тебе очень идет это платье, – отец протягивает руку, и я кладу кисть на сгиб его локтя. Мне кажется, он напряжен, но я не уверена.

– Спасибо, пап.

Особняк встречает нас ослепляющим светом. Сотни три гостей, между которыми снуют официанты в форме, предлагая всем желающим напитки и закуски.

Цепляю с подноса проходящего мимо официанта бокал шампанского, совершенно забыв, что приехала за рулем, и жадно отпиваю глоток.

У входа в зал нас встречает хозяйка приема, Инесса, с которой мы тут же обмениваемся приветствиями и перекидываемся парой ничего не значащих фраз.

Отец извиняется и отходит, ссылаясь на то, что должен сделать звонок, а я рассеянно ему киваю и размышляю, удалось ли дяде Витале уговорить отца не отдавать меня замуж.

Недалеко от нас группа мужчин о чем-то оживленно спорят, и это невольно привлекает внимание. Они не стесняются повышать голос, что заставляет остальных гостей оглядываться в их сторону. Трое наперебой объясняют что-то собеседнику, который нахмурено их слушает. Он выглядит вполне привлекательно: подтянутая фигура, выразительные черты лица, присущая богачам надменность, которая кстати ему к лицу. Но поражает не это. Стоит мужчине открыть рот, чтобы ответить, в радиусе трех метров воцаряется тишина. Мне кажется, даже птицы перестают петь, чтобы послушать, что же он скажет. Он явно обладает огромным авторитетом. На вид мужчине около сорока, но может, я ошибаюсь.

– Кто это, Инесса? – киваю в сторону гостя, и хозяйка дома следит за направлением моего взгляда.

– Это Ренат Хасанов. Неужели не слышала о нем? – у нее такой вид, будто я сказала, что планирую сменить пол к этим выходным. – Владелец крупной сети ювелирных, один из учредителей «Росстали», дважды отец и сейчас, кстати, в поиске очередной жены.

Она отпивает шампанского и мне кажется, раздевает гостя взглядом.

– Почему я должна слышать о нем? – пожимаю плечами и пробегаю глазами по залу в поисках папы, но того нигде не видно.

– Потому что твой отец с ним в довольно тесных отношениях. Я думала, тебе лучше знать о, их совместных проектах.

Кто-то из гостей окликает хозяйку дома и она извиняется и отходит, оставив меня одну.

Совместных проектах…

Никогда не спрашивала у папы чем он занимается, а он особо не рассказывал. Отец не из тех, кто любит делиться деталями сделок и тонкостями своего бизнеса.

Прием, как и все подобные вечеринки, навевает жуткую скуку, и я решаю пройтись по залу и найти отца. Если он уже поговорил с Виталей, и тот отговорил его, то находиться здесь мне ни к чему, поэтому я пробегаю взглядом по лицам гостей, ища знакомое.

Папу я встречаю в коридоре, ведущем к лестнице на второй этаж, и решаю не бросаться с места в карьер и осторожно заговариваю.

– Ты хотел показать мне жениха…

Ну же, скажи, что свадьбы не будет, скажи!

– Он все еще не приехал. И вообще, что это ты наплела Мазурову днем интересно мне знать? Виталя пытался отговорить меня отдавать тебя замуж, дочь что на тебя нашло?

– Пап, я…

– Ты же знаешь, я не люблю, когда мои решения подвергаются сомнению, а ты снова это сделала.

Слова застревают в горле, и вместо оправдания я лишь хлопаю глазами, надеясь, что никто нас не слышит.

– Надо было сразу с тобой поговорить, но важный звонок отвлек. Я не позволю тебе обсуждать мои решения с посторонними, поняла? И чтобы я больше не слышал…

– Папа!

– Не перебивай Ангелина! – он сердито на меня смотрит осаживая взглядом, и я снова чувствую себя так, словно мне пять лет. Хочется провалиться сквозь землю, а лучше уйти! – Ты выйдешь замуж, ясно? Ангелина!

Его слова летят мне вслед, а я уже развернулась и рванула к дверям на выход. Едва дожидаюсь, когда мне подгонят машину, переминаюсь с ноги на ногу, нетерпеливо теребя подол платья.

Как он мог отчитывать меня как маленькую девочку? Я больше не ребенок! И если он решил что ответственность за разговор с Виталей лежит полностью на мне, он ошибается. Мазуров сам предложил помощь. Тоже мне рыцарь!

Передо мной останавливается сверкающий красный мерс, и я сажусь за руль, благодарно кивая служащему.

Слезы застилают глаза, когда я выезжаю с парковки, смахиваю их и крепче вцепляюсь в руль.

Музыку не включаю, хотя больше всего на свете хочется заткнуть в мозгу разъяренный голос отца.

Ты выйдешь замуж, ясно?

Почему все вокруг все решают за меня?

Выезжаю на магистраль и несусь по ней в сторону города. Машин почти нет, поэтому поездка немного расслабляет, и слезы уже не щипают глаза, что очень кстати, потому что присмотревшись к дороге, замечаю сбоку какую-то тень.

Это собака на обочине или…

Человек!

Даю по тормозам, и открыв дверь выскакиваю из машины, не отрывая взгляда от черной массы в пяти метрах от меня.

Это мужчина. Черные джинсы и кожанка перепачканы пылью и грязью, но присмотревшись я понимаю, что это скорее всего кровь. Она заливает гравий под безжизненным телом, понимаю это когда подхожу вплотную. Меня начинает мутить.

Опускаюсь около тела на колени и дрожащей рукой сжимаю плечо мужчины, переворачивая окровавленное тело на спину. И ахаю.

– Ты? – он закашливается, и я вижу, как его губы окрашиваются в цвет крови. Руки дрожат, и я пытаюсь сообразить, где телефон, чтобы вызвать помощь, но мысли путаются, паника накрывает, и я просто оседаю рядом с ним на обочину.

– Что произошло? Как… – голос подводит, и пропадает. Стон срывается с губ незнакомца, и я смаргиваю слезы. – Тебе надо в больницу.

Поднимаюсь, но мое запястье стягивает железная хватка, не позволяющая позвать помощь.

– Не смей, – он стискивает зубы, словно говорит через боль. – Мне туда нельзя.

Как нельзя, он что, хочет умереть?

Мимо нас проносится какая-то иномарка, но водитель даже не останавливается, и я не знаю, что лучше: объяснять кому-то что произошло, или же попытаться самой помочь парню.

А ведь я перед ним в долгу…

– Ладно. Попытайся встать, – беру себя в руки и пытаюсь просунуть кисть под спину раненного, чтобы помочь ему. Со второй попытки нам это удается, и я веду его к своей машине. Благо он в сознании, потому что тащить его в одиночку я просто не смогла бы, он слишком огромный.

Открываю заднюю дверь, и незнакомец падает на сиденье, и я слышу витиеватое ругательство.

Захлопываю дверь и оббегаю машину. Выжимаю газ до упора и срываюсь с места. Всю дорогу судорожно прислушиваюсь к шумному дыханию незнакомца, боясь, что он попросту перестанет это делать и умрет. Но он дышит, хотя и со странным свистом, и я продолжаю гнать, сжимая руль до побелевших костяшек.

В городе дважды проезжаю на красный свет, и как только заезжаю в свой двор нервы сдают.

Рано, еще слишком рано расклеиваться.

Стираю со щек капли, и выхожу из машины, чтобы помочь незнакомцу.

Он пока в сознании, но его тело становится тяжелее с каждой секундой. Игнорирую вопросительный взгляд консьержа, и подвожу мужчину к лифту, судорожно долбя по серебристой панели будто это поможет ускорить эту многотонную штуковину.

Подъем почти финишная прямая, и как только дверцы на моем этаже расходятся, мужчина теряет сознание.

Чтобы дотащить его до постели в комнате для гостей мне требуется еще пятнадцать минут, хотя расстояние всего ничего. Но сложность в том, что он без чувств и я буквально волоком тащу его по гладкому мрамору пола.

Как только мне удается обрушить его безжизненное тело на матрас, я выдыхаю и позволяю истерике завладеть разумом на несколько секунд.

Громкий всхлип заставляет опомниться. Стираю со щек слезы и опускаю голову на широкую грудь незнакомца, прислушиваясь. Кажется, пульс есть, но очень слабый. Надо осмотреть его на наличие ножевых или огнестрела.

Не зря же он категорически не позволил вести его в больницу.

Дрожащими руками расстегиваю окровавленную куртку и замираю, видя что черная футболка насквозь пропитана кровью. Прижимаю руку, поднимаю и вижу как кожа окрасилась бордовым.

– Боже…

Соскакиваю и бегу в ванную за тазиком с водой и полотенцем. Там же цепляю аптечку и ножницы.

Расстригаю одежду на нем так быстро, насколько позволяют дрожащие руки. Джинсы, футболка, рукава куртки – все это лохмотьями ложится на кровать под могучим телом, и я макаю белое полотенце в воду и начинаю смывать с мужчины кровь. Вода так быстро окрашивается в бордовый, что приходится дважды ее сменить. Его мощный торс, мускулистые бедра, накачанные руки сплошь покрыты синяками и кровоподтеками.

Его так сильно избили, что удивительно, как он вообще выжил. Хотя странно, на лице ссадин почти нет, лишь одна кровавая рана на виске, но промыв ее понимаю, что она поверхностная.

На теле лишь синяки, но сбоку вижу тонкий порез, будто от ножа. Он неглубокий вряд ли задеты какие-то жизненно важные органы, но именно из-за него он потерял столько крови.

Приношу еще одно полотенце и меняю воду, промывая раны. В аптечке находится бинт, который я туго привязываю к месту пореза, щедро посыпав рану обеззараживающим порошком. Не знаю, все ли верно делаю, но действую скорее на автомате. Незнакомец так и не приходит в себя, и я пытаясь не тревожить его прикрываю сверху тонкой простыней и замираю.

Почему-то раньше, он казался старше, хотя сейчас рассмотрев его хорошенько, я понимаю, что ему нет и тридцати. Аккуратно опускаю голову ему на грудь и слушаю. Кажется пульс есть, значит жить будет. Уношу его вещи в мусорное ведро, но в последний момент решаю проверить карманы и я удивлением обнаруживаю пропуск в стрелковый клуб «Сокол» на имя Каримова Рустама. Значит, Рустам.

Откладываю пластиковую карточку и выбрасываю тряпье.

Подхожу к зеркалу и ужасаюсь. Плечи, грудь и руки в крови. Видимо, когда я несла его, перепачкалась сама. Надо принять душ.

Скидываю платье прямо в комнате для гостей и подцепив полотенце иду в душ. Нельзя там долго задерживаться, вдруг незнакомец придет в себя.

Нет, не незнакомец.

Рустам.

Слышу шумный вдох, и вся сонливость мигом спадает. Открываю глаза и сажусь на постели, пытаясь понять, где я и что происходит.

– Ты очнулся, – хрипло произношу, глядя на мужчину рядом со мной. Его глаза открыты, но взгляд все еще несфокусирован. После душа я натянула пижаму и легла поверх покрывала прямо рядом с Рустамом, и теперь он проснулся, но на улице по-прежнему темно, значит все еще ночь. – Как ты?

Нависаю над ним, пытаясь понять, слышит ли он меня, а может бредит? Касаюсь колючей щеки, но тут же охаю, он невероятно горячий. У него жар!

Вскакиваю с кровати и иду в ванную, где мочу еще одно полотенце, и когда возвращаюсь в комнату, пациент пытается сесть. Но ему не удается, рана на его боку начинает кровить снова.

– Лежи, тебе нельзя напрягаться, – подхожу к нему, и вижу, что он наконец-то меня заметил. Опускаю мокрое полотенце ему на лоб, но мое запястье перехватывают, и я вздрагиваю от силы хватки. – Больно.

– Мне надо позвонить… – он разжимает руку и откидывается на подушки, и я откладываю полотенце на тумбу и встаю, чтобы принести телефон.

– Держи, – разблокирую мобильный, и он берет его слегка дрогнувшей рукой, а я замечаю, что его костяшки разбиты.

Карие глаза впиваются в мое лицо, и я поражаюсь глубине их цвета. Они кажутся почти черными, с крошечными вкраплениями золота у зрачка. А потом до меня доходит, почему Рустам так смотрит на меня, и я поднимаюсь и выхожу из комнаты, чтобы он мог поговорить без свидетелей.

Через пять минут я вновь стучу в дверь, и слышу короткое войдите. Очень странно, что из хозяйки дома я превратилась в служанку этого человека, пускай он и ранен, выглядеть королем не перестал, и это раздражает.

– Никто не должен знать, что я здесь. Это для твоей же безопасности, – он уже полусидит на постели, пара подушек подложены под его спину, и я вижу, что рана больше не кровит, бинт лишь слегка окрашен. – Спасибо, что спасла мне жизнь.

– Я здесь не причем, просто ехала мимо, – принимаю протянутый им телефон и отчего-то смущаюсь под его взглядом. Карие глаза сканером проходятся по моей фигуре от еще влажных после душа волос до кончиков пальцев ног, скрытых серыми шелковыми штанами. Маечка в тон теперь кажется слишком тонкой, и я подавляю инстинктивное желание прикрыть грудь, потому что соски вмиг затвердели. – Тебе лучше показаться врачу.

Его взгляд поднимается к моему лицу, и мои щеки словно обдает жаром, потому что во взгляде без труда читается то самое, от чего меня ограждал отец все эти годы.

Похоть.

– Мне нельзя в больницу, – он поджимает пухлые губы, и мне только сейчас в голову приходит мысль, что я уже знаю, какие они на вкус. – Поехать туда, все равно что нарисовать на груди цель и встать перед снайпером.

– Но твои раны…А вдруг есть внутренние повреждения? – толкаю телефон в карман пижамных штанов, и резинка на талии натягивается, оголяя полоску кожи, на которую тут же падает взгляд черных как ночь глаз моего собеседника.

– Поверь, лучше мне не высовываться, – что-то в его голосе заставляет меня замолчать, потому что я вдруг понимаю, спорить бесполезно.

И тут же мысленно ругаю себя. Он спас меня от тех пьяных парней, а я выгоняю его из дома. Раненого и избитого. Хорошо же я плачу за добро…

– Можешь оставаться столько, сколько понадобится, – замолкаю, видя в глубине черных глаз удовлетворение. – Пока не поправишься.

– Спасибо, – он откидывается на подушку, и я вдруг замечаю какой он бледный. Отхожу к аптечке и достаю обезболивающее, которое тут же вместе со стаканом воды, налитым в ванной протягиваю пациенту.

– Выпей.

Он с подозрением косится на таблетку, и я поясняю.

– Обезболивающее.

С секунду удерживает мой взгляд, а потом закидывает таблетку в рот и залпом выпивает стакан воды с такой жадностью, словно не пил неделю, а я вдруг не подумав выпаливаю.

– Меня зовут Ангелина, – забираю стакан и ставлю на тумбочку, а потом выключаю светильник, теперь комната освещается только через приоткрытую дверь в ванную.

Собираюсь выйти, но у самой двери слышу его тихий ровный голос.

– Знаю, Ангел.

Глава 6

Думать, откуда Рустам знает мое имя страшно. Я точно не называла его до этого, значит, он как-то выяснил это, но как? Если папа узнает, что обо мне расспрашивал какой-то парень, он сможет догадаться, что я обходила его запрет на выход из дома без охраны, а это еще один неприятный разговор, в дополнение к другим разговорам, которые каждый день между нами происходят.

Да мы ссоримся каждый день.

Папа уверен, что я упираюсь из глупости, а я злюсь, что он постоянно мне выговаривает за тот разговор с Мазуром. Замкнутый круг, если учесть что я не просила Виталия напрямую отговорить отца. Тот лишь намекнул, что может помочь, а я с дуру повелась. Не надо было с ним вообще заговаривать.

Беру ноутбук и сажусь за кухонный стол с полной чашкой горячего какао. Надо проверить почту, вдруг там есть письма от моих учеников, с которыми мы договорились быть на связи.

Загружаю браузер, и слышу негромкое покашливание сзади.

– Спасибо за одежду.

Оборачиваюсь и взгляд натыкается на моего нового сожителя. Широкие плечи обтянуты черной футболкой с надписью No Pasaran, бедра довольно плотно облегают спортивные штаны Найк. Эти вещи у меня валяются с тех пор как отец останавливался у меня проездом, пока в нашем загородном доме был ремонт. А что ни говори, Рустам гораздо крупнее него, и одежда отца на нем сидит слишком…

Идеально.

– Не за что. Твою пришлось разрезать, она пропиталась кровью, – машинально захлопываю крышку ноутбука и поднимаюсь со стула. – Тебе уже лучше? Хочешь, приготовлю завтрак?

На мой вопрос парень кивает, и я вздыхаю, поняв, что ляпнула не подумав.

Готовка – не самая сильная моя сторона.

– Омлет подойдет? – подхожу к холодильнику и достаю яйца помидоры и зелень. Оборачиваюсь, так и не дождавшись ответа, и натыкаюсь на задумчивый взгляд карих глаз.

– Вполне… – Рустам словно только опомнился, рассеянно пожаимает плечами, усаживаясь на стул у кухонного островка.

Нарезаю помидоры и зелень и вываливаю это все на сковороду, и пока овощи томятся на медленном огне, взбиваю яйца, задумчиво глядя в окно.

Если кто-то из охраны отца узнает, что у меня в доме живет мужчина, это плохо кончится. Сегодня утром я спустилась на первый этаж и всеми правдами и неправдами уговорила консьержа молчать о том, что он вчера видел. Возможно, актриса из меня неубедительная, но десять тысяч вполне разумная плата за его молчание. И раз отец сегодня утром по телефону не спросил, кого я вчера тащила к себе домой, значит, он все еще не в курсе. Осталось только поговорить с новым гостем.

Вываливаю взбитые яйца на сковороду, и кухня наполняется ароматом жареных помидор и омлета. Сказать по правде – это единственное блюдо, которое я умею готовить. Обычно ко мне по утрам заскакивает Наталья Николаевна: она закупает продукты и готовит, но сегодня я позвонила и отменила ее визит, сообщив, что справлюсь сама. А значит, придется учиться готовить.

– Слушай, Рустам, я…

Черные глаза впиваются в мое лицо и, мне кажется, в них мелькает растерянность. Черные брови моего гостя сходятся на переносице, и он чуть склоняет голову.

– Моему отцу не понравится присутствие в моей квартире мужчины, поэтому, пожалуйста, постарайся никому не говорить, где ты сейчас, ладно?

– Почему ты называешь меня Рустам? – вдруг выпаливает, и я непонимающе моргаю, он что, не слышал о чем я просила?

– В твоей куртке был пропуск в стрелковый клуб. Там были твои имя и фамилия. А что? – спрашиваю, ведя плечом. Он не представился мне, может поэтому удивлен, откуда я знаю как его зовут? – Ну так, что, ты не станешь никому говорить…?

– Чего ты так боишься, Ангел? Испортить репутацию? – уголок его губ дергается в насмешке, и я стискиваю кулаки, машинально шагая к гостю.

– У меня есть жених, поэтому лишние слухи ни к чему, – все еще вижу эту его самодовольную улыбочку, ощущение такое, словно он насмехается над моей просьбой, и это не на шутку злит. – Я не хочу, чтобы до моего жениха дошли слухи, что я жила с другим мужчиной до свадьбы.

– С другим мужчиной? – он поднимается, и я слишком поздно осознаю, что подошла слишком близко. Один его шаг в мою сторону, и я уже зажата между столешницей и его мощной фигурой. – Ты серьезно ни о чем не догадываешься, Ангел?

Тянется к моей щеке, и я отшатываюсь, не позволяя коснуться кожи. Взгляд против воли падает на его сбитые костяшки, но слишком поздно. Он охает, когда я упираюсь рукой в его живот, пытаясь оттолкнуть, и нечаянно касаюсь пореза сквозь ткань.

– Прости… – потрясенно застываю, убирая руку и приподнимаю край футболки, замечая что рана кровит, и повязка пропитана насквозь. – Прости, я сейчас все исправлю.

Выныриваю из под его руки и бегу в спальню, где оставила аптечку. Возвращаюсь в кухню, и вижу что мой гость уже сидит на стуле. Его челюсти плотно сжаты, а лицо белее мела. Приподнимаю футболку и опускаюсь на колени у стула. Аккуратно поддеваю край бинта и срезаю повязку.

– Рану надо промыть, – поднимаюсь, хватая чистое полотенце и намочив его в раковине возвращаюсь к гостю. – Тебе нельзя ходить, рана снова разошлась, – аккуратно смываю кровь, мысленно ругая себя за неосмотрительность. Чувствую запах яичницы, и вскакиваю с места, с опозданием осознав, что все сожгла. Снова! Выключаю конфорку и удрученно вздыхаю, поворачиваясь к пациенту. – Может, закажем пиццу?

Рустам ухмыляется, а потом морщится, словно любое движение причиняет боль, но его голос звучит ровно, с легким налетом приказного тона.

– Подлатай меня, Ангел, а потом я приготовлю нам поесть.

Смотрю, как этот широкоплечий огромный мужчина орудует у плиты и разрываюсь между двумя странными желаниями: бесконечно наблюдать за ним и сорваться с места и с криками убежать, потому что он нравится мне и одновременно пугает. Рядом с ним я испытываю какой-то благоговейный страх, хотя и понимаю, что он ничего мне не сделает. Эта мысль плотно засела в подкорке, но я все равно не могу унять эту предательскую дрожь, когда он рядом.

– Где соль, Ангел? – он невозмутимо оборачивается, а мой взгляд скользит по обнаженной груди к белоснежной повязке, которую я только что ему поменяла. Вид синяков на мощном теле немного коробит, но я пытаюсь избежать прямого взгляда, поэтому продолжаю смотреть куда угодно только не в его невероятные черные глаза, потому что боюсь – он прочтет в моем взгляде все мои мысли.

– В шкафу, – мотаю головой в нужном направлении, и с губ срывается еще одна необдуманная фраза. – Ты можешь не называть меня Ангел?

Рустам достает соль и, не оборачиваясь ко мне, негромко фыркает, будто мои слова его смешат. Я поджимаю губы, непроизвольно раздражаясь.

– Меня зовут Ангелина. Ты можешь звать меня Лина или Геля. Как тебе больше понравится. Только не Ангел ладно? – моя рука тянется к салфетке и я беру тонкую бумагу и комкаю в руках, только бы чем-то себя занять, чтобы не чувствовать эту неловкость.

– Лина… – задумчиво произносит и мне кажется, улыбается. – Почему ты нарушила запрет отца и убежала из дома?

Вскидываю взгляд на широкую спину и замираю, пытаясь понять, когда рассказала ему о взаимоотношениях с отцом. На ум ничего не приходит.

– С чего ты взял что я…

– Той ночью в клубе. У тебя не было телефона, и ты была без машины. Боялась, что тебя найдут по ним? И ты сказала, твой отец не обрадуется, если узнает, что ты привела в дом мужчину.

Он пояснил, и мне вмиг полегчало. Не знаю почему, но мысль что Рустаму известно о нарушенном запрете напрягла. Это не его дело. Хотя он согласился не говорить никому, что живет у меня, значит мы стали сообщниками поневоле. И глупо что-то от него скрывать.

– Я…подруга уговорила меня отпраздновать получение диплома. Я совсем недавно вернулась из столицы, и она позвала в клуб, – сгребаю разорванную салфетку и поднимаюсь на ноги, чтобы выбросить в урну, и невольно натыкаюсь на Рустама. – Прости.

Опускаю взгляд на бинт, но тот по-прежнему белый, значит рана не кровит. Замечаю большой синяк под ребрами и безотчетно касаюсь его края. Кожа гладкая и горячая, и до меня не сразу доходит, что я касаюсь торса полуголого мужчины. Но когда слышу рваный выдох, отдергиваю руку и испуганно вскидываю глаза.

– Тебе больно?

Вместо ответа Рустам перехватывает мое запястье и прижимает мою ладонь к своей коже, отчего по телу снова пробегает дрожь. Пульс сбивается, и я облизываю губы.

– Кто сделал это с тобой… – непроизвольно срывается с моих губ, и напряжение в воздухе спадает. Рустам разжимает запястье, и моя рука опускается вдоль тела, но я не отхожу. – Что за люди могли так избить…

Словно не замечая моих вопросов, он отворачивается и достает из шкафа тарелки, а мне наконец удается кинуть в урну салфетку.

– Мои люди уже ищут их, – отвечает ровно и выкладывает наш завтрак на тарелки. – Но найти исполнителей мало. Надо выяснить, кто за всем этим стоит.

Слушаю его, в одновременно не могу отвести взгляда от широкой спины на которой бугрятся мышцы.

– И что ты сделаешь, когда найдешь заказчика? – В горле пересыхает, когда спина каменеет, и Рустам медленно оборачивается и впивается взглядом в мое

лицо.

– Сделаю так, чтобы они пожалели, что родились на свет.

Глава 7

Сижу в гостиной ожидании отца и как никогда чувствую себя маленькой девочкой. Сейчас, если я все сделаю правильно, папа похвалит меня, и мы помиримся, а если снова начну перечить, будет новая ссора. Вроде бы все просто, но до трясучки бесит, но я продолжаю спокойно сидеть, хотя внутри начинает закипать ярость.

Когда он сказал, что отдаст меня замуж по своему усмотрению, мне было всего пятнадцать, и не смотря на трудный возраст, я безропотно согласилась, потому что верила – папа знает как лучше. Но когда дошло до дела, я поняла, как ошиблась. Не хочу замуж! Что за глупости? Становиться женой какого-то старикана и рожать ему детей сидя дома, пока он как мой папа будет пропадать на работе. Мне всего двадцать один! Губить жизнь даже не успев насладиться ею – самая глупая на свете вещь. И в пятнадцать я добровольно на нее согласилась. Но я ведь не понимала всей сути слов отца, а сейчас меня уже никто не спрашивает…

– Рад, что ты вовремя, – отец входит в комнату и устало опускается в кресло. – Я сейчас разговаривал с Хасановым, и он подтвердил намерения породниться с нашей семьей.

Знакомая фамилия резанула по ушам, и я глянула на отца, чуть наклоняясь вперед.

– С Хасановым? – переспрашиваю, и тут же поднимаюсь с дивана, когда слышу как хлопает входная дверь в доме. Пулей вылетаю в коридор и подбегаю к окну, в котором прекрасно вижу своего будущего жениха: тот самый мужчина со званого ужина, которого мне показала Инесса. Ренат Хасанов. Холостяк с двумя детьми. Господи, неужели это он? Да он же ровесник отца! – Зачем ты так, папа…

Рвано выдыхаю, глядя как мужчина садится в черный седан, и водитель трогает с места.

Позволяю себе несколько секунд постоять у окна, глядя на опустевшую подъездную дорожку и разворачиваюсь чтобы вернуться в гостиную.

Отец откладывает планшет, когда слышит мой вздох и переводит взгляд на садящуюся напротив меня.

Диван настолько мягкий, что я проваливаюсь в него, но это не успокаивает, а только раздражает, потому что сейчас мне хочется быть прямой как палка, и не показывать насколько я расстроена.

– Ренат сказал, ты можешь выбирать свадебное платье и заказывать банкет. Сегодня с тобой свяжутся организаторы, с которыми ты будешь обсуждать тонкости предстоящей свадьбы. Расходы он разумеется оставляет на тебя.

Слова как грубые пальцы теребят струны натянутых нервов, и я закусываю губу изнутри, только бы не начать спорить.

– Все расходы жених берет на себя, – повторяет папа. – Дату свадьбы пришлось немного сдвинуть, Ренат не объяснил почему, но думаю две недели погоды не сделают.

Папа все говорит, а ком в моем горле растет, пока я не набираюсь храбрости и не размыкаю побелевшие губы.

– Зачем ты отдаешь меня за него? – сглатываю, и словно плотина прорывается и я начинаю тараторить как одержимая. – Дело в деньгах? Я не верю, у нас с ними проблем нет. Может, хочешь объединить бизнес? Но это жестоко использовать меня как разменную монету. Хочешь внуков? Ну так я родила бы тебе но со временем, когда встретила бы подходящего мужчину, которого ты бы одобрил. Зачем отец? Объясни…

– Потому что я не хочу, чтобы ты потеряла голову от какого-нибудь охотника за моими деньгами. А таких поверь, будет море, стоит мне позволить тебе жить обычной жизнью. Думаешь им нужна будешь ты? Им нужны будут деньги,

которые женитьба на тебе для них обеспечит. Я не хочу, чтобы ты стала билетом в красивую жизнь для какого-нибудь обаятельного парня, который вместо твоей красоты будет видеть нули на твоем банковском счету. И довольно споров. Семья Хасановых очень влиятельна и расторгать с ними помолвку, все равно что прилюдно объявить войну. Тема закрыта Ангелина, ты выйдешь замуж. Точка.

И подчеркивая, что разговор окончен, отец снова берет в руки планшет и утыкается в него, оставляя подавленную меня сидеть на диване напротив.

Глава 8

Домой я захожу в диком раздрае.

Швыряю ключи от машины и стягиваю куртку. Всю дорогу до дома психовала и сейчас лучше не стало.

– Проблемы? – Рустам сидит на диване в гостиной и листает каналы, но при виде вошедшей меня хмурится и откладывает пульт. – Обидел кто?

Прикрываю глаза и отрицательно мотаю головой, устало опускаясь на диван.

– Я встречалась с отцом, – стягиваю с волос заколку и пряди рассыпаются по плечам и спине. И мне сразу становится немного легче, головная боль чуть утихает. Тянусь и прочесываю волосы пальцами, блаженно прикрыв глаза. – Он сказал, что в ноябре я выйду замуж.

Замолкаю, потому что горло перехватывает от горечи, и подтягиваю под себя ноги, садясь удобнее. Рустам молчит, но тишина не давит, мне отчего-то спокойно и я не чувствую неловкости. Несколько секунд никто из нас не произносит ни звука, и я поднимаю взгляд на собеседника, я застываю.

От непринужденности не остается и следа, потому что я замечаю каким взглядом Рустам на меня смотрит. Черные как ночь глаза кажется стали еще чернее, они прожигают насквозь, будто касаются меня физически, не отрываются от моих распущенных волос, и мне становится неловко. Опускаю

руки, перебрасывая пряди на одно плечо, и дымка в глубине его глаз рассеивается.

– Ты этого не хочешь? – его голос чуть охрип, и нотки, сквозящие в нем до ужаса напоминают его баритон в те минуты когда он подвез меня домой и поцеловал. – Выходить замуж?

Опускаю взгляд и вздыхаю, пробегая глазами по комнате.

– Я мечтала получить диплом и найти работу в школе. А отец отдает меня замуж за своего ровесника, – замолкаю, осознав, что ляпнула лишнего. Мои планы на будущее никого не касаются. Я никогда не делилась ими. И впредь не должна. – Я не горю желанием становиться чьей-то собственностью.

Рустам выпрямляется и хмурясь, заглядывает в мое лицо.

– С чего ты взяла, что за ровесника? – Он выглядит слегка сбитым с толку, и от этого я на секунду забываю о своих горестях и едва не улыбаюсь, таким милым мне кажется его лицо.

– Я видела своего жениха сегодня. Мужчина в возрасте. Отец двоих детей и все такое…

– Господи… – Рустам откидывается на спинку и прикрывает глаза рукой. – Ангел ты шутишь?

Его плечи начинают содрогаться, и я снова злюсь. Почему все что касается меня его так смешит?

– Глупо было обсуждать это с тобой, – поднимаюсь с дивана так резко, что едва не спотыкаюсь. Не хочу, но голос все равно пропитан ядом. Отступаю, и мою кисть перехватывает сильная рука, Рустам подтягивает меня к себе.

Его лицо все еще хранит следы иронии, видно, он пытается взять себя в руки и не улыбаться так явно, но мне все равно хочется вырвать руку.

– Прости, Лина. Я не должен был так реагировать, – он поднимается и скользит по моему запястью, вызывая ворох мурашек. Он выше меня, и рядом с ним я кажусь себе Дюймовочкой. Хочется отступить, но я не могу сдвинуться с места, словно магнитом притянутая к огромному торсу. – Тебе нужно расслабиться, ты напряжена.

Его руки медленно скользят по моей коже к плечам, оставляя ожоги прикосновений. Мне следует остановить его, оттолкнуть, но я продолжаю стоять и впитывать в себя эту грубоватую ласку. Чувствую просыпающийся где-то в глубине души голод и прикрываю глаза.

Жесткие пальцы опускаются на плечи и начинают разминать затекшие мышцы и мои колени подкашиваются. Хватаюсь за талию стоящего напротив мужчины и слышу сдавленный стон.

Черт, повязка!

– Прости.

Руки на плечах замирают, а я свои отдергиваю и поднимаю виноватый взгляд на Рустама. Его красивые губы поджаты, глаза закрыты, а между бровей залегла складка.

– Дай посмотреть… – приподнимаю край черной футболки и вижу что бинт пропитывается кровью. – Тебе нужно наложить швы.

Его лицо на секунду преображает улыбка, которая тут же стирается когда я стягиваю с него футболку.

– Просто мне надо держаться подальше от тебя, Ангел.

Подкол в мой адрес заставляет улыбнуться, и я ухожу за аптечкой чтобы сменить повязку. И в голове совершенно некстати мелькает мысль: а что было бы, не задень я его рану?

Глава 9

Сегодня примерка свадебного платья, но я как ни странно на нее не хочу. Тем не менее заставляю себя подняться с постели утром и идти в душ.

Прохладная вода приводит в чувства, и я закутываюсь с белый халат и захожу в комнату.

– Доброе утро, Ангел.

Вздрагиваю, когда вижу развалившегося на моей кровати Рустама. Машинально хватаюсь за полы халата и сжимаю в кулаках, стягивая на груди.

– Что-то случилось? – голос сдает меня, уже привычной дрожью, и мне с трудом удается отвести взгляд от мощного торса, который за последнее время стал еще привлекательнее, потому что за те две недели, что Рустам живет тут, синяки на его теле почти прошли, как и тот порез, который теперь заклеен лишь пластырем телесного цвета. – Зачем ты вошел в мою комнату?

Сглатываю, машинально отступая к туалетному столику, и опускаюсь на пуф, продолжая стискивать халат.

– Ты избегаешь меня? – Рустам смотрит в упор, и его взгляд, как и присутствие заставляет нервничать. Сглатываю, когда взгляд черных глаз на секунду опускается к голым ногам в вырезе халата, и тут же запахиваю ткань, отчего гость снова впивается глазами в мое лицо. Уголок его губ дергается, намекая на насмешку, но затем лицо снова принимает то замкнутое выражение.

– Нет. Просто у меня дела. Подготовка к свадьбе…

Пытаюсь оправдаться, хотя отговорка напоминает слабую соломинку, за которую я ухватилась, чтобы не сорваться с обрыва. Он прав. Все эти дни я намеренно избегала гостя, потому что слишком остро ощущала его присутствие, и это бесило. Ни разу не встречала мужчину, способного так влиять на меня физически и морально. Рядом с этим человеком я постоянно дрожу. И мысль, что он где-то рядом через стенку заставляет меня мучиться бессонницей, сходить с ума, покрываться мурашками и сгорать на медленном огне.

– Чего ты боишься Ангел? – он намеренно подчеркивает последнее слово, растягивая гласные, хотя прекрасно помнит, что я просила его так меня не называть. И судя по таящемуся в глазах лукавству, понимает, как меня это накаляет, но продолжает дразнить, намеренно выбивая из колеи. – Что я начну распускать руки?

Господи, это просто невыносимо!

– Хватит, пожалуйста…– мольба в моем взгляде стирает насмешку в черных глазах, и собеседник хмурится. – Мне нужно ехать на примерку свадебного платья, ты не мог бы выйти?

Поднимаюсь, мысленно молясь, чтобы он понял и ушел, и Рустам вздыхает и встает с постели. Его шаги заглушает пушистый ковер, а удары моего сердца в ушах все ускоряются, пока не превращается в сплошной гул. Мужчина замирает в сантиметре от меня, и поддев подбородок заглядывает в мои глаза.

– Я не трону тебя, если ты сама этого не захочешь, – его голос обволакивает как горячая волна, и я ощущаю как мышцы внизу живота напрягаются, а соски царапают ткань халата изнутри. – Не будь такой трусихой. Лина.

– Ты закончил?

Злит его наглая ухмылка, поэтому отбрасываю его кисть и отступаю, демонстративно отворачиваясь от гостя. Шагаю к шкафу, слыша негромкий смешок.

– Мне нужны мои вещи. Но для этого мне придется назвать твой адрес своему другу, – повисает короткая пауза, а потом красивый голос снова дразнит мои нервы. – Либо ты можешь забрать сумку на нейтральной территории торгового центра.

– Хорошо, – соглашаюсь, только бы он поскорее ушел. – Позвони другу и сообщи, что я буду ждать его на парковке «Кристалла» в час дня.

Рустам молчит, и я оборачиваюсь, всем своим видом демонстрируя недовольство. Этот мужчина невыносим!

– Спасибо, – теплая улыбка таится в глубине его голоса, и собеседник протягивает мне пластиковую карту что я нашла в его кармане. – И передай пропуск Рустаму, я брал его на один день.

И не обращая внимания на ошарашенную меня, он выходит из комнаты, оставляя после себя сводящую с ума недосказанность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/liza-bett_/ty-budesh-umolyat

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить